

НОВАЯ ЭКОНОМИКА

№ 2 [62]

**октябрь
2013**

Научно-теоретический,
научно-практический,
научно-методический журнал

Приказом Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь
от 31 января 2008 г. (№ 28) журнал НОВАЯ ЭКОНОМИКА включен
в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования
результатов диссертационных исследований по экономическим наукам.

содержание

ЭКОНОМИКА

Байнёв В. Ф.	Внешние факторы глобальной неконкурентоспособности стран бывшего СССР.....	6
Резникова Н. В.	Эволюция концепции неоколониализма в новых контурах межстрановой экономической зависимости	12
Ванькевич А. И.	Основа построения экономической системы собственности.....	20
Полоник С. С., Полоник В. В.	Классификация социально-экономических систем. Разработка принципа «малой страны с открытой экономикой»	25
Батукова Л. Р.	Инновационная модернизация: о сущности понятия и методологических подходах к управлению	34
Беркова О. В.	Системный метод в изучении процессов функционирования современных экономик	41
Предборский В. А., Тараненко Ю. А., Кунцевич В. П.	Информационный аспект как базовый элемент научной парадигмы изучения тенизационных процессов.....	47
Предборский В. А., Тараненко Ю. А.	Влияние тенизационных процессов на потенциал налоговых реформ	52
Рудниченко Е. Н.	Субъекты реализации фискальной функции государства в контексте эволюционной экономики	60
Катайкина Н. Н.	Использование средств бюджета Республики Мордовия на развитие человеческого потенциала региона.....	66

Внешние факторы глобальной неконкурентоспособности стран бывшего СССР

Байнёв Валерий Федорович,

*доктор экономических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой инновационного менеджмента
Белорусского государственного университета
(г. Минск, Беларусь)*

В статье раскрываются причины низкой конкурентоспособности постсоветских стран, оказавшихся под внешним управлением Запада в процессе их рыночного реформирования.

The article describes the reasons of low competitiveness of the post-Soviet countries which appeared to be governed from the outside by the West during their market reforms.

Уже третий десяток лет разменян с того переломного момента, когда страны бывшего СССР, решительно отказавшись от социалистической, командно-административной модели управления экономикой, вступили на капиталистический, рыночный путь развития. Откровенно говоря, двадцать с лишним лет — срок немалый, вполне достаточный для того, чтобы при грамотном управлении, например, победить в Отечественной войне, восстановить разрушенное ею хозяйство и, первыми запустив в космос спутник, луномод и человека, выйти в лидеры научно-технического прогресса. К сожалению, ничего подобного не скажешь о десятилетиях нынешних рыночных реформ, которые вместо обещанного их идеологами экономического возрождения стали периодом беспрецедентного для условий мирного времени разгрома научно-технического и промышленного потенциала бывших союзных республик.

Факт остается фактом — за годы рыночных реформ не просто кратко обвалился ВВП постсоветских стран, но произошла грандиозная деиндустриализация и сырьевая деградация их экономик, о чем мы неоднократно и подробно писали как в отечественной, так и в зарубежной печати [1; 2; 3]. Так, по данным «Экономической и философской газеты» [4], Россия — самая мощная страна региона: в 2012 г. по сравнению с дореформенным 1990 г. выпустила грузовых машин — 54,5 %, электродвигателей — 24,7 %, гражданских самолетов — 20,8 %, вычислительной техники — 14,8 %, зерноуборочных комбайнов — 8,8 %, тракторов — 5,8 %, металлорежущих

станков — 4,4 %... Увы, не лучшая ситуация и с бытовыми товарами. В прошлом году в России произведено мяса — 86,4 %, колбасы — 72,7 %, молока — 41,3 %, ковров — 36,4 %, животного масла — 25,9 %, обуви — 27 %, тканей — 24,6 % от уровня 1990 г. Наблюдавшийся в «тучные» 2000–2007 гг. подъем был связан с кратным приростом сырьевого экспорта и лишь отчасти с переносом западными корпорациями в Россию отверточной сборки единичных видов промышленной продукции, например легковых авто.

Казалось бы, Россия — это «природная кладовая планеты», держава, где, согласно официальной статистике, осталось менее 2,5 % государственных предприятий и ныне всецело господствует частная собственность. Россия должна была явить миру рыночное чудо экономического и научно-технического взлета. Вместо этого, как свидетельствуют сами идеологи наших рыночных реформ, «Россия шаг за шагом погружается в ад... По сравнению с советским периодом поток инноваций упал в 15 раз... Уничтожается все, что хоть как-то обеспечивало независимость нашей страны... По объему производства комбайнов наша страна вернулась в 1933 год, тракторов — в 1931-й, вагонов — в 1910-й, тканей и обуви — в 1900-й... Вместо машин и электроники некогда великая Россия торгует женщины и детьми...» [5, с. 452–485].

К сожалению, не лучше обстоят дела и у других наших соседей, многие из которых до сих пор так и не восстановили дореформенный уровень ВВП, качество которого к тому же существенно ухудшилось (например, научкоемкость ВВП за годы

реформ в разных странах бывшего СССР обвалилась в 2–10 раз). При этом наиболее мощный удар рыночные реформы нанесли по промышленности, где, как известно, максимальна концентрация научноемких и высокотехнологичных производств [6, с. 72]. В итоге территория Советского Союза — некогда великой индустриально развитой державы — в считанные годы превратилась в технологическое захолустье, сырьевую провинцию цивилизованного мира.

Разумеется, рыночный разгром экономики не мог не сказаться на качестве жизни населения. При внешней иллюзии изобилия товаров народного потребления, бывших в дефиците в советский период, их цена, качество и происхождение зачастую не выдерживают никакой критики. Например, нынче среди десятков наименований продуктов, по названию и форме напоминающих колбасу, практически невозможно найти образец, хоть отдаленно приближающийся по качеству — содержанию натурального мяса и отсутствию всевозможных химреактивов — к тем, что продавались в советский период. В результате самые главные для человека показатели рождаемости, смертности, здоровья, продолжительности жизни значительно ухудшились. Достаточно упомянуть о том, что если СССР в последний год своего существования занимал 24-е место по индексу развития человеческого потенциала, ненамного уступая США с их 19-м местом [7, с. 65], то сегодня лидирующая среди стран СНГ «нерыночная» Беларусь занимает лишь 50-е место.

Наблюдающееся на постсоветском пространстве изобилие более или менее качественного импортного промышленного ширпотреба, увы, обеспечивается бездарным разбазариванием природных ресурсов, которые, однако, принадлежат не только нынешнему, но и будущим поколениям. Получается, в большинстве стран бывшего СССР в процессе рыночных реформ сложились примитивные, околосырьевые или откровенно сырьевые, зависимые от импорта, а значит, глобально неконкурентоспособные экономики, побуждающие их граждан бессстыдно паразитировать за счет своих детей, внуков и правнуку. Отсюда и нынешняя духовно-нравственная деградация, падение нравов, нарастание асоциальных форм и даже норм поведения...

В связи с этим возникает вопрос: почему пресловутые «эффективные частные собственники», обеспечившие глобальную конкурентоспособность отдельных западных стран, бессильны сделать то же самое в России, Украине, Казахстане и других странах бывшего СССР? Наряду с тем, что

сама концепция рыночного капитализма сегодня (как, впрочем, и десятки лет тому назад) вызывает ряд вопросов и нареканий, думается, *ключевым фактором провала наших рыночных реформ являются внешние причины*.

Говоря о конкурентоспособности конкретных отечественных субъектов хозяйствования, работа которых определяет глобальную конкурентоспособность национальной экономики, следует иметь в виду, что она во многом зависит не только от внутренних факторов — уровня техники и технологий, трудовой и технологической дисциплины, качества управленческих решений и т. п., но и от внешних условий. Иными словами, требуя от отечественных организаций глобальной конкурентоспособности, необходимо создать им условия хозяйствования, по крайней мере, не хуже тех, в которых работают их зарубежные конкуренты. И действительно, бесполезно (да и неблагородно) требовать даже от самого что ни есть подготовленного спортсмена победы в том случае, если он стартует с громоздким тяжеленным рюкзаком на спине в то время, когда его соперники выходят на старт налегке...

Как известно, в свободной рыночной экономике роль государства в основном сводится к созданию способствующих прогрессу «правил игры» и к решению некоторых общественных проблем. К сожалению, приходится констатировать, что постсоветские государства с этими функциями, увы, не справляются. Они не только не способствуют экономическому развитию или хотя бы не мешают ему, но наоборот, создают на этом пути многочисленные искусственные трудности и препятствия. При этом наибольшие отклонения от принятых в технологически развитых странах норм организованы в самой важной для экономики кредитно-денежной, монетарной сфере.

Мы неоднократно указывали на то, что существует ряд надежных признаков-маркеров, позволяющих безошибочно классифицировать страны как технологически развитые и отсталые, периферийные, относящиеся к сырьевой провинции цивилизованного мира [1; 2; 3; 8]. В их числе, по нашему мнению, самым важным параметром, во многом являющимся своеобразным «спусковым крючком» для запуска прочих негативных процессов, является глубокая, хроническая недомонетизация национальной экономики. Это выражается в том, что в России, Украине, Казахстане, Беларуси и т. д. (равно как и в Ботсване, Уругвае, Мозамбике, Гондурасе и т. д.) коэффициент монетизации экономики K_m , исчисляемый как отношение денежного агрегата M2 и ВВП, существенно

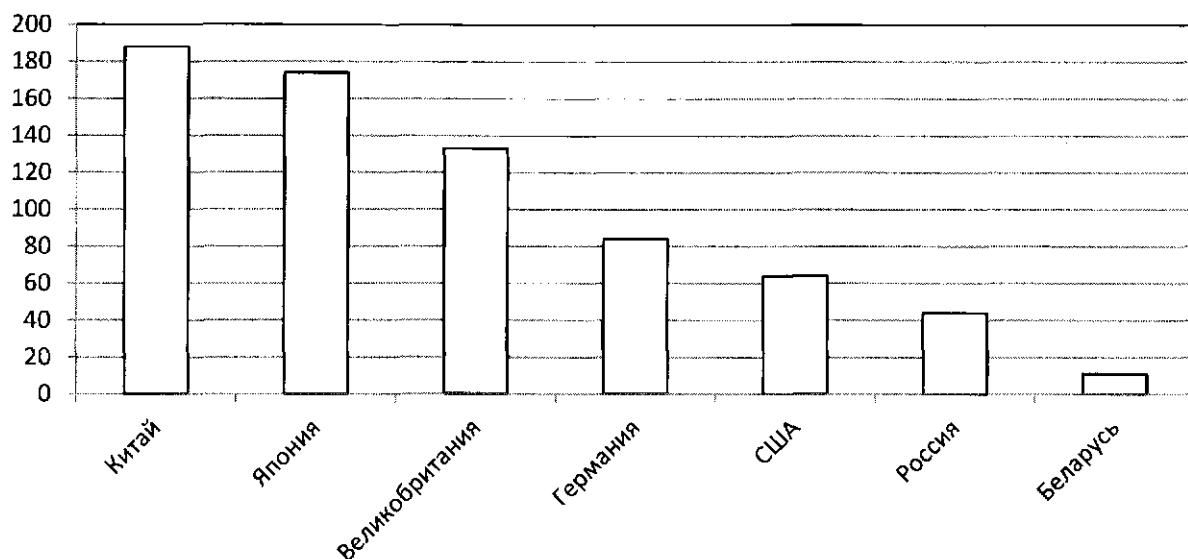

Рис. 1 — Коэффициент монетизации экономики K_m в некоторых странах мира в 2012 г., % от ВВП
(данные для США приведены без учета долларовой массы, находящейся вне пределов страны)

Источник: составлено автором по данным [9, с. 20] и официальной статистики Национального банка Республики Беларусь

ниже нормы 60 %, что кардинально отличает периферийные страны от технологически развитых и успешно догоняющих их держав (рис. 1). Например, в Беларуси в 2012 г. при ВВП, равном 527,4 трлн руб., и изменении за год рублевой денежной массы M2 с 41 до 65,6 трлн руб. данный коэффициент составил лишь около 11 %.

Хроническое, длившееся вот уже более 20 лет, «денежное малокровие» экономик постсоветских стран, организованное под благовидным предлогом борьбы с инфляцией, вызывает целый комплекс процессов, вызывающих деиндустриализацию: кризис неплатежей; «вымывание» оборотных средств из производственного сектора в сферу обмена; убыточность и разрушение преимущественно научно-исследовательских и промышленных предприятий [1, с. 139–144; 2, с. 58–63; 3, с. 65–67; 8].

На первоочередную необходимость решения проблемы хронической недомонетизации национальной экономики систематически указывает, например, советник российского президента академик Сергей Глазьев: «На сегодня все страны, особенно связанные с эмиссиями мировых валют, гибко расширяют денежное предложение. В такие периоды объем денежной массы вырастает на десятки процентов в течение нескольких лет... В связи с этим у нас есть потенциал ремонетизации, то есть расширения денежного предложения, и нужна соответствующая схема. Речь идет о целеориентированной денежной эмиссии и спросе на деньги со стороны производственных предприятий. Эта схема успешно работает

в Китае, работала в Европе после Второй мировой войны, до девяностого года работала в нашей стране... Нам она нужна в новых условиях, с учетом современных технологий и глобального кризиса» [10]. Кстати, проведенные им научные исследования убеждают, что грамотное расширение денежной массы (особенно на фоне дедолларизации экономики) не только не вызовет роста цен, но и наоборот, в сложившихся условиях может быть использовано в качестве эффективной антиинфляционной меры [11]. К сожалению, эти рекомендации и исследования, а также демонстрируемый технологически развитыми странами опыт упорно игнорируются российскими властями.

На этом негативные процессы, вызванные жесткой кредитно-денежной политикой, увы, не заканчиваются. Искусственно созданный дефицит денег провоцирует банковскую систему на масштабную спекуляцию кредитами. Это выражается в том, что в России, Беларуси, Казахстане и т. д. ссудный процент — и это второй признак-маркер, надежно отличающий нас от технологически развитых стран, — в разы превышает рентабельность промышленных и других производственных предприятий. Не секрет, что в связи с кризисом ставка рефинансирования снижена в США с 6 до 0,25 %, в ЕС — с 4 до 0,75 %, в Японии — до 0,1 %, причем инновационным промышленным фирмам в этих странах кредиты вообще выдаются под отрицательные реальные процентные ставки минус 1–2 % годовых [9, с. 21]. В странах бывшего СССР все с точностью до наоборот — в кризисные годы ставка рефи-

нансирования и стоимость кредитных ресурсов кратко возросли и до сих пор удерживаются на неподъемном для производственных предприятий уровне.

По этой причине вполне понятна тревога по поводу создания отечественным предприятиям тех же условий, что и у их зарубежных конкурентов. Так, уже упоминавшийся академик Сергей Глазьев был вынужден заявить, что «если не будет создана своя схема денежного предложения под низкий процент долгосрочных кредитов, то наши предприятия станут неконкурентоспособны, потому что сегодня на Западе и Востоке — в Китае, Японии — нет проблемы получения предприятиями дешевых денег на длительные сроки. Китайцы дают и на 30 лет, понимая, что в условиях кризиса нужны значительные вливания, инвестиции в новые технологии. И нигде, кроме нашей страны, не возникает вопрос отсутствия денег...» [10]. В таких явно дискриминированных условиях наши предприятия, получающие кредиты по цене, кратко превышающей уровень их рентабельности даже с учетом инфляции, объективно не в состоянии конкурировать с крупнейшими западными транснациональными корпорациями, у которых сегодня в наличии, как это прозвучало на Петербургском экономическом форуме-2013, около 4,2 трлн долларов свободных финансовых резервов.

Третьим признаком-маркером, позволяющим классифицировать Россию, Украину, Казахстан, Беларусь и т. д. в качестве периферийных стран, является кратко заниженный относительно паритета покупательной способности (ППС) обменный курс их национальных валют. При этом важно заметить, что все без исключения технологически развитые страны, несмотря на декларируемые выгоды для экспортных предприятий, наоборот, предпочитают иметь свои национальные валюты переоцененными относительно ППС. Недооценка наших национальных денежных единиц, организованная под благодатным предлогом стимулирования экспорта, наряду с другими описанными выше факторами селективно разрушает промышленный, особенно научноемкий, высокотехнологичный сектор российской и белорусской экономики, на что мы также неоднократно указывали [1, с. 149–158; 2, с. 64–73; 3, с. 67–70; 8].

Сегодня об отклонениях в работе российской кредитно-денежной системы — недопустимо низком коэффициенте монетизации экономики и обусловленной этим спекуляции банками кредитными ресурсами — во весь голос говорят уже не только ученые, но даже и некоторые высокопоставленные российские чиновники и политики [12]. Несмотря на это, разрушительная жесткая кредитно-денежная политика продолжает упорно реализовываться денежными властями России и других постсоветских стран, хотя, например, США и ЕС за последние годы неоднократно прибегали к антикризисным мерам масштабного «количественного смягчения», связанным с триллионными денежными вливаниями в экономику. Более того, самоубийственная кредитно-денежная политика, противоречащая как теории, так и демонстрируемой технологически развитыми странами практике, дополняется массированым изъятием из народного хозяйства ресурсов, полученных от распродажи содержимого недр, и вложением их в экономику западных держав (например, в составе пресловутого российского стабфонда и его производных) вместо внутреннего инвестирования в развитие собственного хозяйства.

Можно привести еще множество фактов, свидетельствующих о том, что нынешняя Россия озабочена, увы, не собственным прогрессом, а вскармливанием западного мира за счет собственного народа. Например, настырная распродажа природных ресурсов не за российские рубли, а за доллары-евро вопреки резким возражениям многих ученых имеет целью наполнение бестоварных долларов-евро товарной массой и тем самым превращение бумажной продукции западного «печатного станка» в полноценные деньги. С той же целью усердно выполняются и перевыполняются «планы по приватизации», периодически спускаемые «Московскому райкому» из «Вашингтонского и Брюссельского обкомов». Результаты (и истинная цель) масштабной долларовой приватизации все та же — превращение в полновесные деньги бестоварных дензнаков, масштабно и беззастенчиво штампуемых Западом, за счет их наполнения товарной массой, созданной позже и кровью наших предков. К сожалению, народы других постсоветских стран, включая и нашу союзную Беларусь, принуждаются российскими властями покупать ресурсы за те же доллары-евро, а значит, будучи вынуждены следовать в фарватере данной кредитно-денежной политики вопреки их воле оказываются пристегнутыми к выкармливанию ненасытного западного монстра...

Сегодня все большее и большее число специалистов начинают всерьез воспринимать точку зрения о том, что единственным логичным объяснением столь иррациональной экономической политики российских властей, явно противоречащей общепринятым в цивилизованном мире

нормам и принципам, может быть только их властей) колониальный, коммюнистический, коллаборационистский, оккупационный характер. И в последнее время об этом все громче и настойчивее ведут речь уже не только отдельные российские ученые, но и даже политики, в том числе представители так называемой «партии власти». В этом плане весьма примечательны, например, следующие широко известные в Интернете высказывания депутата Госдумы Российской Федерации от партии «Единая Россия» (кстати, действительного государственного советника) Евгения Федорова: «Мы проиграли [холодную. — В. Б.] войну. Тотальную. Полностью ликвидировали свое государство. Для нас это глубокая оккупация... Сегодня оккупация действует на всю страну, на всю Российскую Федерацию... Победив СССР, они [западные страны. — В. Б.] привезли сюда другие системы управления... Запад просто назначил нам систему управления. Она не наша. И она уже показала гигантскую яму между властью и народом. 20 лет такого отдаления народа от власти в России ранее никогда не было. И понятно почему — потому что это оккупационный механизм. Власть является коллаборационистской, то есть оккупационной по своей системе управления. И любой чиновник, какой бы он ни был честный человек, находясь внутри системы, работая в оккупационном механизме, объективно не работает на российский народ. Сам при этом он может быть очень патриотичным. Но у него другая функция, другая повестка дня...» [13].

Только коммюнистический, оккупационный, про западный в целом и проамериканский в частности характер российских властей исчерпывающе объясняет, почему они, по словам Евгения Федорова, сознательно держат страну и все постсоветское пространство в «придушеннем состоянии». «Мы сегодня, — утверждает он, — находимся в такой стадии, когда нам запрещено развиваться, потому что Штаты боятся, что восстановится конкурентная борьба, которая была между СССР и США. А чтобы этого не было, Россия не должна в принципе быть способна на это, то есть не иметь для этого возможностей: ни экономических, ни политических, ни военных. Если Россия не будет способна на какую-то конкуренцию, она и не будет конкурентом (это же понятно), какие бы у нее ни были правители, кого бы ни избирали руководителями и т. д. Иными словами, это главная форма защиты от возможной конкуренции. Плюс Россия исправно платит дань деньгами, природными ресурсами, детьми, людьми, учеными, обеспечивая стабильно победителя всеми

этими видами помощи в его жизни. Причем для американцев это важный элемент, и Россия — не единственный плательщик дани. Они за счет совокупной дани решают порядка 80 % своих материальных проблем и только на 20 % они работают, грубо говоря...

Если бы мы не платили дань, мы бы жили в 2 раза лучше в материально-денежном выражении. Иными словами, оккупанты вынимают из кармана у каждого из нас половину денег, которые там есть. Автоматически. И это называется у нас инфляцией, отсутствием механизмов поддержки страны через механизм внутренних инвестиций...» [14].

Вполне возможно, многие ученые данную точку зрения считут ненаучной, популистской, несерьезной. Однако и просто отмахнуться от нее тоже не получается! Ибо сегодня очень трудно найти иное логически непротиворечивое объяснение того, почему богатейшая страна два долгих десятилетия пребывает в хроническом, время от времени (1991, 1998, 2008 гг.) обостряющемся до предела экономическом кризисе, упуская возможность за возможность (например, в «тучные годы» нефтедолларового изобилия) для технико-технологического прорыва.

Кстати говоря, указанная точка зрения вполне объясняет и «белорусский парадокс»: вопреки пророчествам местных идеологов рыночных реформ и их заокеанских кураторов «нерыночная», «тоталитарная» Беларусь, обладающая скучными запасами природных ресурсов, тем не менее самая первая из стран СНГ восстановила дореформенный ВВП, более чем удвоила промышленное производство, лидировала и продолжает лидировать по индексу человеческого развития, используемому ООН для измерения качества жизни людей, опережая ту же могучую Россию. И все это притом, что среднестатистический белорус по доступным ему собственным совокупным природным запасам беднее россиянина примерно в 72 раза! Некоммюнистический характер белорусской власти, ориентированной на чаяния своего народа, а не на интересы местных олигархов и маячащих за их спинами мировых банкиров-ростовщиков, позволяет нашей весьма небогатой полезными ископаемыми стране показывать результаты не хуже тех, что демонстрируют ее куда более обеспеченные природными ресурсами соседи.

Итак, имеются веские основания считать: жесткое внешнее управление, реализующее программу целенаправленной стагнации стран бывшего СССР и паразитирования на них Запада,

является основной причиной их нынешней глобальной неконкурентоспособности. Следовательно, **проблемы достижения глобальной конкурентоспособности постсоветских стран сегодня эквивалентны задачам их национально-свободительного движения, избавления наших народов от колониальной зависимости и позорной обязанности выплачивать дань «западной орде», под игом которой мы оказались в результате подписания «акта о безоговорочной капитуляции» в Вискулях.** Важно, наконец-то, четко осознать, что без решения этих задач все наши нынешние бесконечные теоретические мудрствования о «чудотворной силе» рыночной экономики, инноваций, иностранных инвестиций и т. д. (кстати, длиющиеся вот уже двадцать лишним лет) так и останутся всего лишь пустыми, далекими от практики, наукообразными разглагольствованиями. И даже если мы все же когда-нибудь достигнем на этом пути позитивных практических результатов, то в условиях колониальной зависимости они неизбежно трансформируются в повышение благосостояния метрополии — нескольких западных стран, только и всего!

Литература

1. Байнёв, В. Ф. Переход к инновационной экономике в условиях межгосударственной интеграции : тенденции, проблемы, белорусский опыт : монография / В. Ф. Байнёв, В. В. Саевич ; под общ. ред. проф. В. Ф. Байнёва. — Минск : Право и экономика, 2007. — 180 с. (Электронная версия монографии в Интернете : <http://www.bsu.by/Cache/pdf/142653.pdf>).
2. Байнёв, В. Ф. Социально-экономическое развитие и «ловушки» рыночного либерализма : курс на неоиндустриализацию : монография / В. Ф. Байнёв, В. Т. Винник ; под общ. и науч. ред. В. Ф. Байнёва. — Минск : Право и экономика, 2009. — 114 с. (Электронная версия книги в Интернете : <http://www.bsu.by/Cache/pdf/381253.pdf>).
3. Байнёв, В. Ф. Монетарные факторы деиндустриализации / В. Ф. Байнёв // Экономист. — 2009. — № 4. — С. 35–46. (Электронная версия статьи в Интернете : <http://www.bsu.by/ru/sm.aspx?guid=33883>).
4. ЭФГ-статистика 2012/1990 [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Экономической и философской газеты». — Режим доступа : <http://www.eifgaz.ru/2012-1990.htm>. — Дата доступа : 18.08.2013.

софской газеты». — Режим доступа : <http://www.eifgaz.ru/2012-1990.htm>. — Дата доступа : 18.08.2013.

5. Полторанин, М. Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса / М. Полторанин. — М. : Эксмо : Алгоритм, 2010. — 512 с.

6. Белорусский путь / О. В. Пролесковский [и др.] ; под ред. О. В. Пролесковского и Л. Е. Криштаповича. — Минск : Маст. літ., 2012. — 559 с.

7. Волович, В. Н. О сущности и стратегии российских экономических реформ / В. Н. Волович // Проблемы современной экономики. — 2003. — № 3-4. — С. 64–68.

8. Байнёв, В. Ф. Финансовый фашизм без маски и прикрас / В. Ф. Байнёв // Правда. — 2012. — 26–27 окт. — № 118 (29892). — С. 2. (Электронная версия статьи в Интернете : <http://gazeta-pravda.ru/content/view/12729/34/>).

9. Ершов, М. Условия финансово-кредитной конкурентоспособности России после вступления в ВТО / М. Ершов // Экономист. — 2013. — № 5. — С. 18–26.

10. Стрельцова, О. Начало пути / О. Стрельцова // Завтра. — 2013. — 6 февр. — № 6 (1003). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://zavtra.ru/content/view/nachalo-puti-2013-02-06-000000/>. — Дата доступа : 18.08.2013.

11. Глазьев, С. Ю. О практической количественной теории денег, или Сколько стоит догматизм денежных властей / С. Ю. Глазьев // Вопросы экономики. — 2008. — № 7. — С. 31–45.

12. Матвиенко, В. О новой индустриализации России / В. Матвиенко // Экономист. — 2013. — № 7. — С. 3–5.

13. Федоров, Е. Русское чудо / Е. Федоров [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://genocid.net/news_content.php?id=2411. — Дата доступа : 18.08.2013.

14. Федоров, Е. Демократическая оккупация : в 3 ч. / Е. Федоров. — Ч. 1 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://genocid.net/news_content.php?id=2386. — Дата доступа : 18.08.2013; Ч. 2 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://genocid.net/news_content.php?id=2396. — Дата доступа : 18.08.2013; Ч. 3 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://genocid.net/news_content.php?id=2439. — Дата доступа : 18.08.2013.

Материал поступил в редакцию 02.09.2013.